

УДК 316.7:004.738.5]:[728.1(1-21):316.323.72]

А. А. Курихинаспирант кафедры журналистики
Запорожского национального университета (Украина)

ПОСТСОВЕТСКАЯ УРБАНИСТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЕ И АКТУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КАК МЕТАФОРА НЕВОЗМОЖНОСТИ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ВЛИЯНИЯ ПРЕДЫДУЩИХ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ

Постсоветская урбанистическая архитектура стала заметным символом в современном социокультурном пространстве. Если во времена СССР она была актуальной и могла отображать культурную парадигму, то в наше время олицетворяют архаичность социума, который не может избавиться от мышления, навязанного прошлым веком. Актуальна метафора для людей, родившихся в 1990-е, что не застали времен социализма, но вынуждены существовать на его обломках — в архитектуре, образовании, ментальности. На основе собирательного образа зародился персонаж интернет-фольклора — думер и стилистика спальных районов, что собирает сотни тысяч просмотров в соцсетях.

A. A. Kurikhin

Post-Soviet urban architecture in modern Internet culture and contemporary art as a metaphor for the impossibility of getting rid of the influence of previous cultural paradigms

Analysis of current works of art, as well as Internet folklore, showed that the image of a panel multi-storey building has become a symbol of hopelessness, frozen time, the influence of the previous century and post-Soviet sadness. It spawned an entire aesthetic popular on Instagram and TikTok, as well as a modern subculture — the doomer. Moreover, the metaphor of a high-rise building has become inseparable from the outdated consciousness embodied by it. The characters in the books («Stalinka», «Dorm-on-Blood») are portrayed as individuals whose thinking is determined by society and space, and it seems impossible to overcome this. The person acts as an unimportant detail in the mechanism of the city, as can be traced from the tracks of the group Ploho and rapper Ovsyankin. This metaphor is especially relevant for persons who were born in the 1990s and a little later, because they did not find the Soviet Union, but they are feel its influence. Therefore, it is necessary for university professors to familiarize themselves with the described metaphors in order to understand what meaning they have for today's undergraduate and graduate students.

Урбанистическая архитектура бывшего СССР является символом нескольких культурных парадигм. Когда на территории социалистических стран возводили одинаковые 5-этажные панельные здания в эпоху правления Никиты Хрущева (в народе — хрущевки), в 1980-е 9-этажные (брежневки) или схожие

дома в сталинские времена (сталинки), их идентичность могла символизировать всеобщее равенство. Сейчас, когда советские времена канули в Лету, а архитектура осталась обветшалой, но нетронутой, этот аспект осмысливается в литературе, кино и музыкальном искусстве. Иронично, что хрущевки, как и многие постройки советских времен, планировались как временные. Этому вопросу украинский портал «Сегодня» посвятил материал «Срок эксплуатации “хрущёвок” заканчивается в 2017-м: где могут снести пятиэтажки и что делать дальше» [1]. При постройке домов эпохи Хрущева сообщалось, что через 25 лет после сооружения их снесут, ведь такое жильё непригодно для долгосрочного функционирования. Озвучено это было в 1957 году, когда возводились первые хрущевки. После срок эксплуатации продлили до 60 лет, а это значит, что многие постройки должны были демонтировать в 2017-м, но этого не произошло. Как результат — СССР развалился 30 лет назад, а жители постсоветских пространств существуют среди символов социалистических нарративов, что потерпели крах. Новые люди формируются на руинах старых устоев и утопических представлений, поэтому панельные дома обрели новый смысл, превратились в символ постсоветской тоски и отсутствия модернизации.

В Украине, начиная с первых лет независимости, проводится переименование локаций, что носили имена, связанные с социализмом. Это явление достигло пика в 2015-м, когда вступил в силу Закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символов», который позволил демонтировать символику СССР в архитектуре в общегосударственном масштабе. Как объясняют это явление А. Гнатюк и А. Мельничук: «Городские ландшафты и ассоциированные с ними смыслы влияют на общество, формируя его идентичность и коллективную память. Формирование новой идентичности может происходить путем устранения, перемещения, восстановления, переосмысления или создания различных элементов городского ландшафта. Постсоциалистические режимы не являются исключением и также пытаются осуществлять реконфигурацию пространственно-временного континуума культурных ландшафтов и связанной с ними идентичности» [2, с. 84]. Однако влияние прошлой парадигмы настолько велико, а городские ландшафты настолько заполнены архитектурой советских времен, что избавиться от них за 30 лет невозможно. Постсоветские города наполняются современной архитектурой лишь в центрах мегаполисов, а спальные районы остаются нетронутыми.

Из ощущения несовременности родилась стилистика, имеющая много названий: *post-Soviet aesthetic*, русская тоска, русские дворы, панельки. Среди других — *doomer aesthetic*, *doomer wave*, романтика городских окраин, беспросвет. Стилистика имеет много названий по причине того, что с такими

хештегами ее распространяют в Instagram, TikTok и других соцсетях. В Instagram это, как правило, фотографии многоэтажных домов и того, что находится рядом: детских площадок, магазинов, школ, остановок и стадионов. Реже — помещений изнутри. Люди нечасто появляются на снимках, ведь главную роль в них играет пространство. Изображения с такими хештегами появляются как в личных профилях пользователей, так и в аккаунтах, которые специализируются на подобном контенте: *northern.friend* (218 тыс. подписчиков; сейчас и далее количество подписчиков и просмотров датируется 24.03.2021), *russian_romantics* (63 тыс.), *possovenok* (19 тыс.). У основных тегов столько подписчиков в Instagram: *#романтикагородскихкраин* — 159 тыс., *#дворы* — 106 тыс., *#россиябезнас* — 105 тыс., *#беспросвет* — 102,5 тыс., *#панельки* — 90 тыс., *#postsoviet* — 76 тыс., *#русскаяпустота* — 74,5 тыс., *#русскаятоска* — 64 тыс., *#панельноедостояние* — 33,5 тыс. В TikTok статистика следующая (по общему количеству просмотров на видео с хештегом): *#doomer* — 43,9 млн просмотров, *#панельки* — 20,9 млн, *#russiandoomer* — 12,2 млн, *#postsoviet* — 11 млн, *#дворы* — 6,4 млн, *#doomermusic* — 3,5 млн, *#русскаятоска* — 588 тыс., *#doomeraesthetic* — 523 тыс. Обычно ролики с этими тегами в TikTok представлены в формате видео или слайд-шоу, где под грустную музыку демонстрируются спальные районы.

Украинский фотопроjekt *Suka Zhizn* (31,6 тыс.), представленный в одноименном Instagram-аккаунте, перерос из профиля со стилистикой спальных районов в социальный проект. В 2017 году киевский аноним стал фотографировать бездомных на фоне постсоветских пространств, параллельно общаясь, записывая истории. За это он благодарил помощью: покупал одежду, еду, оформлял документы. Так, у подписчиков *Suka Zhizn* появились любимые герои публикаций, которым они могут помогать, пересылая деньги. Аноним стал идеологом многих социальных инициатив, в том числе системы учета киевских бездомных [3].

На основе новой эстетики в сентябре 2018-го на имиджборде 4chan появился персонаж интернет-фольклора — думер [4]. Это собирательный образ людей, которые родились в постсоветском пространстве в 1990-е и не нашли своего места в жизни — не работают или же не любят свою работу, не имеют успеха в личной жизни. Изображается в виде рисунка небритого парня в шапке и черном худи. Гендерная версия — черноволосая девушка с каре и чокером на шее. Это портрет поколения, которое родилось во время кризиса 1990-х и имеет пессимистический взгляд на жизнь. Фигурирует думер как в мемах на тему разницы поколений, так и в музыкальных подборках. Например, плейлист *Russian Doomer Music playlist vol. 1* с YouTube-канала *JustMyFavStrangeMusic* (1,4 млн просмотров). Трек-листы состоят из постсоветского постпанка — жанра,

который характеризуется депрессивными текстами, ярко выраженными басовыми партиями, грязным звучанием электрогитары, стуком драм-машины и низким мужским голосом на вокале. Подборки длятся около часа, визуализируются изображениями думера на фоне постсоветских пространств. Это молодой человек, бесцельно ходящий между старых домов, слушающий грустную музыку. В его плеере похожие монотонные песни, а на пути одинаковые постройки. Он не может вырваться из привычной среды обитания, ведь она нарративами застряла в его мышлении, определила сознание.

Постпанк является музыкальным жанром, в котором особенно часто всплывают «многоэтажки» как символ безысходности. Среди групп, исполняющих песни в этом жанре, — Ploho (57 тыс. подписчиков на портале last.fm), «Буерак» (38,5 тыс.), «Молчат дома» (19 тыс.), «Перемотка» (18 тыс.). Рассмотрим дискурс постсоветской урбанистики на примере первого коллектива из этого списка. «Растут дома, рожая этажи / В них я и ты, обреченные на жизнь / В коробках, под лестницей долгов / Ведущей на поля, страны для дураков». Так поется в песне российской группы Ploho «Страна дураков» 2018 года. По этому отрывку заметно, что дома здесь представляются разрастающейся субстанцией, создающей все больше этажей, лестниц, где люди отыгрывают второстепенную роль, подчиняясь жилплощади. Человек изображается бедным, вынужденным жить в долгах. Доминирующая роль машинного производства над человеческим существованием обыгрывается и в композиции «Город устал»: «Под колеса машин ложится снег / Здесь машины — все, и ничто — человек / Трупы в серых домах ловят “Первый Канал”/ Этот город погиб, этот город устал». Помимо двух первых строчек, которые служат доказательством нашего тезиса, интерес представляет обезличивание человека. Российский «Первый канал» в рамках композиции смотрят не люди, а «трупы». Вероятно, жители этих зданий, по мнению авторов, давно превратились в безжизненную форму, подобно устаревшей архитектуре.

Дискурс многоэтажных домов обыгрывается и в творчестве рэп-исполнителей. Как пример — анонимный рэпер Овсянкин (7 тыс. подписчиков), скрывающий лицо под советской карнавальной маской медведя. Его центральным произведением является «Мemento Мори», альбом 2017 года, состоящий из 19 треков. Он рассказывает о жизни лирического героя, где невозможно разобрать, что из этого выдумка, а что действительно случилось с Овсянкиным. Начинается пластинка с трека It Passed, рассказывающего о детстве исполнителя, где основным образом служит подъезд: черная дверь с числом 80, грязные углы, лифт, до которого герой провожал гостей, не решаясь выйти за пределы дома. Любопытна строчка «Лестничная площадка была лимбом, где у Наташи чуть не остановилось сердце», наделяющая подъезд свойствами

из христианского богословия — лимбом. Это место, куда попадают непорочные души, которые не могут претендовать на рай. Вероятно, таким образом он описывает детство, а возможно речь идет об алко- и наркозависимых людях, которые проводят много времени на лестничных площадках и иногда умирают там же. Пространство постсоветского дома здесь выступает метафорой постсоветского мышления, выхода из которого автор не наблюдает.

Помимо рэп-композиций на альбоме присутствуют три записи с реальными бездомными, наложенными на минорную музыку, «Помни о...». Каждая из историй крутится вокруг жилплощади — потерянной или отсутствующей. Первый спикер рассказывает о дочерях, выживших его на улицу; второй — о смерти матери, которая была прописана в общежитии, а рассказчик же прописки не имел; повесть третьего крутится вокруг работы в чужом городе, куда он приехал по найму, получил травму, а работодатель исчез, не выплатив зарплату. Завершая тему Овсянкина, представляем припев внеальбомной композиции «Полжизни в бетонной коробке»: «У кого-то телефон с барабаном, у кого-то Vertu / В этой жизни нам за счастье займеть 10 квадратных метров / Полжизни дышать цементным раствором / А потом из-за квартиры проверять родство / Наставлять друг на друга ствол за закорючку в документах / Все из-за бетонной коробки, по сути из-за пустых метров». Рэпер описывает ссоры родственников из-за прописки или наследства в виде старой обветшалой жилплощади. Пустые квадратные метры здесь представляются важнее жизни, поэтому персонажи готовы пойти даже на убийство ради квартиры. Среди других рэперов, осмысляющих постсоветское существование в эстетике спальных районов, можно выделить таких, как Слава КПСС (25 тыс.), эхопрокуренныхподъездов (23 тыс.), Vabangida (13 тыс.), Саша Скул (10,4 тыс.), а также коллективы «Макулатура» (44 тыс.), Kunteynir (28,4 тыс.) и «Ленина Пакет» (17 тыс.).

В украинский литературный дискурс постсоветской урбанистики ввел Олесь Ульяненко романом «Сталинка» 1994 года. Книга рассказывает о невозможности выбраться из рамок, в которых существуют духовно и материально бедные люди на окраинах Киева. Название «Сталинка» отсылает к советскому названию столичного района Демиевка, форме многоквартирных домов, а также служит образом архаизмов СССР. Так мир произведения описывает исследовательница Марина Кирычок: «Атмосфера телесного гниения, вони, тления плоти присутствует на каждой странице текста, постепенно нагнетается и становится апокалиптическим символом приближения неизбежной Божьей кары. Подавляющий большой город — мистический, холодный, полный болезней, насилия, безобразия» [5, с. 234]. Книга параллельно рассказывает о людях, которые встретятся в конце сюжетной линии: мальчишке Горике Пискареве и Лорде, пациенте психиатрической больницы, который решил на побег.

Когда последнему удастся освободиться, он меняет прозвище на Иона. Такое имя носил христианский пророк, чья история описана в Ветхом Завете. По легенде, Бог послал его к неевреям для проповеди отказа от греховности, что похоже на миссию персонажа «Сталинки». Библейский герой известен длительным пребыванием в чреве рыбы, что можно сравнить с появлением Ионы-Лорда в темноте канализации, среди труб и нечистот. Мальчик Горик вырастет и начинает совершать тяжкие преступления, в то время как Иона живет по заповедям божьим и становится священником. К концу почти все герои «Сталинки» погибают в муках, в том числе и Горик, которого загрызли собаки. Лишь Иона выживает благодаря тому, что смог обрести новые свойства, начать мыслить не так, как остальные жители района. Персонажи могут перемещаться и за пределы места-метафоры, однако читателю понятно, что внутренняя «Сталинка» всегда будет определять действия героев.

Подобный подход представлен в романе русского писателя Алексея Иванова «Общага-на-Крови», изданного в 2006-м. Его события разворачиваются в общежитии, а все персонажи существуют в рамках специфической иерархии, где коменданты — власть, а проживающие не представляют никакой ценности. Последние готовы пойти на многое, чтобы сохранить место в комнате. Так, «общага» символизирует жизнь в постсоветском пространстве, где выселение равно смерти, а возможность быть выселенным говорит о неуверенности в завтрашнем дне. Исследователь К. Когут пишет: «Перед нами пространство, равновеликое жизни, способное вобрать в себя энергию мироздания, впитать глубинные движения судеб, “выжигающих” свой след в бытии, обозначающий память места, как память о человеке, когда-то жившем на нем. Поэтому образ общаги является метафорой, охватывающей мир во всей ее противоречивой диалектике» [6, с. 114]. В романе нельзя определить временные рамки, что подчеркивает важность локации. Хронотоп таков: место действия — архаическое постсоветское общежитие, в котором царит беспорядок; время действия — всегда.

Теме постсоветского существования в декорациях «многоэтажек» посвящен YouTube-канал «ПостРоссия», созданный 5 апреля 2019-го. Сегодня на нем 185 тыс. подписчиков и 7,6 млн просмотров суммарно (всего там 24 ролика). Состоит из видеозэссе на тему постсоветской тоски, а именно: «Панелька — символ русской безысходности» (980 тыс.), «Виктор Цой — отец постпанк музыки в России Doomer music» (383 тыс.), «Как архитектура отражает время, в котором мы живем?» (354 тыс.), «Почему советская пропаганда работает до сих пор?» (250 тыс.), «Почему Россия живет в прошлом?» (56 тыс.) и другие.

Анализ современных произведений искусства и интернет-фольклора показал, что образ панельного дома стал символом безысходности, застывшего

времени и постсоветской грусти. Он породил эстетику, популярную в Instagram и TikTok, а также современную субкультуру думеров. Метафора многоэтажного дома стала неотделима от воплощенного в ней устаревшего сознания. Герои книг «Сталинка», «Общага-на-Крови» изображены людьми, мышление которых определяется обществом и пространством, преодолеть которые невозможно. Человек выступает малозначительной деталью в механизме города.

1. Литвин А. Срок эксплуатации «хрущевок» заканчивается в 2017-м: где могут снести пятиэтажки и что делать дальше [Электронный ресурс] // Сегодня. URL: <https://economics.segodnya.ua/economics/realty/srok-ekspluatacii-hrushchevok-zakanchivaetsya-v-2017-m-gde-mogut-snesti-pyatietazhki-i-cto-delat-dalshe-1026214.html> (дата обращения: 14.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Гнатюк О., Мельничук А. Просторово-часові аспекти декомунізації топоніміки міста Києва // The Ideology and Politics Journal. Ідеологія і політика. 2020. № 1 (15). С. 83–114. [Вернуться к статье](#)

3. Дмитрук А. Це люди, які допомагають безпритульним [Електронний ресурс] // The Village Україна. URL: <https://www.the-village.com.ua/village/city/people/294767/> (дата звернення: 14.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Кузьмин Е. Russian Doomer: как мем превратился в России в субкультуру «потерянного поколения» со своей эстетикой, музыкой и юмором [Электронный ресурс] // TJ. URL: <https://tjournal.ru/internet/210845> (дата обращения: 14.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Кірячок М. В. Візії апокаліпсису в романі О. Ульяненка «Сталінка» // Вісн. Житомир. держ. ун-ту. Сер. Філологічні науки. 2012. Вип. 65. С. 233–237. [Вернуться к статье](#)

6. Когут К. С. Повесть А. Иванова «Общага-на-Крови»: границы жанра // Урал. филол. вестн. Сер. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2013. № 2. С. 108–117. [Вернуться к статье](#)